

и увещание» и «Апокалипсис Иоанна и православная литургия». Автор первой из них Хуан Эрнандес¹² предлагает общий и, надо сказать, довольно-таки сочувственный очерк главного византийского толкования на Апокалипсис, а автор второй — Константин Николакопулос — рассматривает точки соприкосновения между Откровением Иоанна и православным культом.

Завершается сборник статьей Кристофера Роуланда¹³ «“Мистер Блейк, апо-, или, скорее, ана-калиптический поэт и художник”: апокалиптическая герменевтика в действии», в которой предметом рассмотрения является поэтическое и живописное творчество Уильяма Блейка, насыщенное мотивами из Апокалипсиса.

Подводя итоги, скажем еще раз: уже сам по себе большой объем этого сборника делает его значительным явлением, отражающим необычайную интенсивность современного изучения последней книги Библии. Статьи же М. Каррера, Ф. Тота и Й. Фрая, несомненно, должны войти в круг обязательного чтения для любого специалиста по Апокалипсису. Также хотелось бы отметить, что принадлежность данных трех статей перу немецких авторов вкупе с явно возросшей в последние годы общей активностью германоязычных исследователей Апокалипсиса дает основания для надежды на то, что немецкая наука в данной области подтянется к явно доминировавшей в последние десятилетия науке англосаксонской, а это, в свою очередь, послужит общему обогащению научного изучения Откровения Иоанна.

*А. С. Небольсин
(ИСТГУ)*

**The Power of Religion in the Public Sphere / E. Mendieta, J. Vanantwerpen, eds.
N. Y.: Columbia University Press, 2011. 128 p.**

Книга «Значение религии в публичной сфере» представляет собой итог дискуссии на данную тему, состоявшейся 22 октября 2009 г. в Нью-Йорке, и, как отмечается на первых ее страницах, является интересным свидетельством «жизненности публичной сферы в ее уникальном американском воплощении» (с. VIII). Имена докладчиков уже говорят о многом: свой взгляд на соотношение религиозности и публичности высказали «отец» публичной сферы Юрген Хабермас, именитый философ и практикующий католик Чарльз Тейлор, автор многих работ по феминизму, политической и иудейской философии Джудит Батлер и философ и медиа-персона, первый темнокожий обладатель диплома по фило-

¹² Хуан Эрнандес является автором монографии по текстологии Апокалипсиса: *Hernandez J. Scribal Habits and Theological Influences in the Apocalypse. The Singular Readings of Sinaiticus, Alexandrinus & Ephraemi. Tübingen, 2006.*

¹³ Кристофер Роуланд в соавторстве с Джудит Ковач написал комментарий на Апокалипсис, в котором основное внимание уделено истории влияния книги: *Kovacs J., Rowland C. Revelation: The Apocalypse of Jesus Christ. Oxford, 2004.*

софии в США Корнел Уэст. Необходимо также назвать имя социолога Крейга Калхуна, редактора книги, автора заключения и модератора дискуссии, а также известных специалистов Эдуардо Мендиету и Джонатана Ванантверпена, написавших введение к этой книге.

После введения, которое знакомит читателя с участниками дискуссии, слово получает Ю. Хабермас, чья классическая работа «Структурные трансформации публичной сферы» служит концептуальной рамкой для всей дискуссии. Его доклад «“Политическое”: рациональное значение сомнительного наследия политической теологии» окрашен тревогой за будущее демократии в новых условиях, когда вера в эффективность совместного действия начинает колебаться. Как подойти к различению политики и религии в наше время, когда понятие политического утрачивает сакральные коннотации, составлявшие его суть в течение столь долгого времени? — на этой проблеме фокусирует свое внимание Хабермас. По его мнению, нужно обратиться к понятию «политическое», но важно очистить это понятие от мифологизирующего содержания, сделать его рациональным и проясненным. Поэтому центральным противопоставлением становится для него противоположность понятия «политическое» у Карла Шмитта и у Джона Ролза, где Хабермас, конечно, выступает на стороне последнего. Если Карл Шмитт протестует против того, как «политическое» утрачивает свое сакральное наполнение, то Джон Ролз выстраивает систему, избавленную от теологии. При этом, однако, приходится признать тот факт, что секуляризация государства вовсе не означает секуляризации общества, так что «политическое», сместившись с уровня государства на уровень гражданского общества, «сохраняет отсылку к религии» (с. 24). Признав это обстоятельство, оставшуюся часть времени Хабермас посвящает выстраиванию модели существования религиозных граждан в условиях светской публичности. Главная мысль его заключается в том, что религиозные и нерелигиозные граждане проходят сложную процедуру воспитания, которая позволяет им встречаться на этом форуме готовыми к взаимному уважению и пониманию.

Следующий докладчик Чарльз Тейлор в своем выступлении «Почему мы нуждаемся в радикальном переопределении секуляризма» обращается к излюбленной им теме религиозных истоков современного понимания «светского» и «секулярного». Анализируя, что подразумевается под требованием «секулярности» современного государства, он выделяет три аспекта этого требования, а именно:

- 1) (свобода) никто не должен испытывать принуждения в области религии и веры;
- 2) (равенство) люди разных религий и верований должны быть равны;
- 3) (братство) голос каждого из духовных сообществ должен быть услышан.

Главная ошибка в общепринятой трактовке «секулярности» заключается в том, что она вовсе не относится к проблеме отделения Церкви от государства, но касается условий существования религиозного многообразия. Только стремление к упрощению и кратким формулам может свести все к требованию отделения Церкви от государства, в то время как дело обстоит гораздо сложнее. Тейлор видит большую опасность в том, чтобы подменять истинные цели демократии,

выраженные в трех вышеперечисленных принципах, такими упрощенными лозунгами, как «отделение Церкви от государства».

В последующей дискуссии с Хабермасом Тейлор выражает свое беспокойство по поводу того, что происходит фиксация на религии как на проблеме, что связано с наследством определенных предрассудков и стереотипов еще со времен Просвещения. Между тем ситуация уже совсем иная, и такой подход искажает реальность. В последние десятилетия многократно было показано, что, с одной стороны, разум не всегда может гарантировать наилучшее решение любой проблемы и, с другой, что суждения, основанные на религиозных представлениях, не всегда являются заведомо ложными и неубедительными для здравомыслящего неверующего человека. Он подчеркивает сходство между религиозными и нерелигиозными обоснованиями, релятивизируя разницу между отсылкой к Марксу и отсылкой к Библии, и предпочитает заменить слово «секулярный» словом «нейтральный».

Выступление Джудит Батлер («Является ли иудаизм сионизмом?») вносит практический аспект в дискуссию: она ставит перед собой задачу выяснить соотношение между политическим и религиозным на конкретном примере еврейского мировоззрения, а именно на примере ситуации, когда критика Израиля воспринимается как антисемитизм. Автор показывает, что это совершенно несправедливо, более того, критика многих политических решений Израильского правительства противоречит важным принципам именно еврейской философии, ее глубоким этическим интуициям, связанным с изначальной, предшествующей любому выбору зависимостью каждого человека от другого и аморальностью попытки выбирать тех, с кем ты сосуществуешь. Помимо этого, Батлер напоминает о ценных для общей теоретической дискуссии различениях, во-первых, между верой и религией и, во-вторых, между разными религиями. Может оказаться, что разные религиозные системы по-разному реагируют на свое отделение от публичной сферы. И может оказаться даже, что сама публичная сфера включена в некое религиозное поле, поскольку какая-либо религия (скажем, протестантизм) предоставляет ей концептуальные основания.

Завершает дискуссию почти поэтическая проповедь Корнела Уэста («Пророческая религия и будущее капиталистической цивилизации») о стремлении к справедливости, взаимопониманию и диалогу, которая — уже нефилософскими средствами — передает основной пафос идеи коммуникации и демократии.

Эта книга, несомненно, будет интересна любому, кого интересует проблема оснований демократии и место религии в современном обществе. Может быть, доклады участников не добавят много новой информации к тому, что уже было сказано ими, и гораздо более основательно, в других работах, но зато этот небольшой сборник позволяет почувствовать дух живой дискуссии и прикоснуться к настоящей работе мысли. Может быть, для полноты впечатления недостает проблематичности: все участники, в сущности, согласны друг с другом, и расхождения касаются нюансов, которые заслуживают со стороны противников не более чем вежливой критики. Это общение людей, разделяющих ценности либерализма и демократии, толерантная и до галантности вежливая дискуссия на едином для всех языке, как бы по-разному они ни выражали свои мысли, — а что

может быть более противоположным, чем академический стиль Хабермаса и эмоциональная импровизация Уэста? Но настоящую остроту мог бы привести сюда человек, чьи разногласия с концепцией Хабермаса идут дальше любезных поправок. Впрочем, благодаря общему единодушию книга оставляет у читателя радостную веру в возможность рациональной дискуссии, достижимость консенсуса и дает прекрасный образец коммуникации в духе взаимного уважения.

*Е. А. Кострова
(ИСТГУ)*

Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства / П. В. Тулаев, сост., предисл. и коммент., О. А. Платонов, отв. ред. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.

Книга представляет собой сборник сочинений одного из первых русских славистов, историка, этнографа, языковеда Юрия Ивановича Венелина (1802–1839). Составитель сборника и автор предисловия Павел Тулаев перечисляет заслуги автора: «Он написал первую грамматику болгарского языка, издал первую книгу по истории болгар, опубликовал первый сборник древних славянских грамот, составил первую в Европе программу преподавания славистики для университета».

Венелин получил известность в славянском мире. Русины его ценят как представителя своего народа (Венелин родился в Карпатах, его настоящее имя Георгий Гуца), словенцы и болгары как деятеля национального возрождения. По утверждению П. Тулаева, название страны «Словения» впервые ввел в научный оборот именно Венелин в 1834 г.

Очерк «Мысли об истории вообще и русской в частности» (1847) написан как проект курса лекций для университета, где он добивался кафедры. «Теснейшая связь находится между медициной и законами, медициной и общежитием, общежитие связано с нравом и духом народным, дух с деятельностью в науках и искусствах, и, вообще, все внешнее движение народа, деятельность с законами, законы с просвещением и религией; словом, всякая черта выходит из другой и переливается в иную, так что одна другой является причиной и следствием» (с. 48–49). Эти рассуждения, раскрывающие системную связь элементов национальной культуры, в XIX в. были близки сторонникам И. Гердера и В. фон Гумбольдта. Подобных взглядов придерживались русские продолжатели романтической традиции — славянофилы.

Венелина часто называют славянофилом. Действительно, он был близок к писателю Сергею Аксакову, учил его сыновей Константина и Ивана. Тесные научные и дружеские узы его связывали с историком Михаилом Погодиным. Г. Флоровский отмечал, что «славянофильство» и «западничество» — имена очень неточные, только подающие повод к недоразумениям и ложным толко-